

ТОПОХРОН

Тело, знание, голос и след

Д. Кампер

От переводчика

В статье рассматриваются теоретические и методологические основания анализа телесности и возможные стратегии гуманитарных наук в эпоху бурного развития медиа. Речь идёт о разработке новой междисциплинарной и транскультурной методической позиции в антропологических исследованиях.

Дитмар Кампер¹ (1936–2001) — социолог, философ, исторический антрополог; один из интереснейших и глубоких немецких мыслителей последней четверти XX века. Специалист в области истории воображения и философии тела. Основатель Междисциплинарного центра Исторической антропологии в Свободном университете Берлина² имеющего свой журнал «Paagana», редактором которого Кампер являлся вместе с Кристофом Вульфом².

Представленная статья написана в рамках международного исследовательского проекта Ханса Белтинга *Quel corps?*³ в 2000 г. Основные темы проекта — философия и социология тела, соотношения тела и образа в культуре и мышлении, судьба телесности и образности в эпоху «иконического поворота»; цель проекта — преодолеть принятые повсеместно легкомысленные теоретизации тела.

Текст краток, оттого и смысловая насыщенность, так как на менее чем половине печатного листа сконцентрированы идеи, над которыми Кампер работал всю свою жизнь.

© D. Kamper, 2002.

© М.А. Степанов, 2009 (перевод).

Kamper D. *Der Körper, das Wissen, die Stimme und die Spur / Quel corps?: Eine Frage der Repräsentation.* Hrsg. Hans Belting, Dietmar Kamper. München: Fink, 2002. S. 167–174. Редакция выражает благодарность Солвейг Кампер за любезно предоставленное разрешение на перевод и публикацию статьи.

¹ Более подробно о Дитмаре Кампере: Мареш Р. Дитмар Кампер: портрет философа-маргинала и аутсайдера. Пер. с нем. Г. Хайдаровой // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. № 4 (8). Т. II. С. 48–54.

² Его недавно переведённая на русский язык книга (Вульф К. Антропология: история, культура, философия. Пер. с нем. Г. Хайдаровой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.) представляет отечественному читателю всестороннее, концентрированное и систематическое отражение всего проблемного поля современной антропологии и в особенности достижения Международного центра исторической антропологии Свободного Университета Берлина в области философии тела.

³ *Quel corps? Eine Frage der Repräsentation.* Hrsg. von Hans Belting und Dietmar Kamper. München: Fink, 2002.

Кроме того, статья не укладывается в рамки жанра аналитической статьи, философского исследования в привычном смысле. И дело не во множестве предметных областей затрагиваемых автором, а в модальности текста. Кампер не просто размышляет и излагает, а где-то в конце делает вывод. Нет, дочитать до конца тяжело, а прочитанное не оставляет в покое. Таково действие текста, его суггестивной риторики и вкрадчивого императива, но не воззвания к действию; это не манифест или обличение западной цивилизации, это не памфлет, а, скорее, маршрутизация, указание направление, разметка выбора возможного движения. Речь идёт именно о возможности, то есть о том, что в силах человека. Но человека как живого мыслящего тела, способного помыслить «возможность» и воспользоваться ею — актуализировать.

Сквозные для автора темы — способность воображения, история тела, взгляд и насилие — пронизывают статью и впоследствии выливаются в его последней монографии «Смена горизонта¹» (2001 г.) в проект критики «Анти-Нарцисс».

Во-первых

Вся теория тела напрасна, писали Хоркхаймер и Адорно в примечаниях к «Диалектике Просвещения»: тело остается трупом, которым оно стало исторически. Что подразумевает двойное наследие: понятие и представление (*Anschauung*) тела происходят из теологии мёртвого распятого тела Господа и из той медицины, которая добыла свои фундаментальные знания посредством анатомического театра рассечения трупов. К тому же, появилось нечто другое, что лишь с недавних пор развивает (*entfalten*) своё чрезмерное влияние: безмолвная трансформация тела в образ тела, который отвергает различие образа и тела. Так возникшее Воображаемое, с одной стороны, выступает наследием названных сил, которые были ведущими в теории и практике Средних веков (теология) и Нового времени (медицина), с другой стороны — оно (Воображаемое) замещает тела в их реальности и позволяет им неудержимо становиться виртуальными. Это встречается с ликованием и находит сильных заступников.

В дальнейшем тот, кто чувствует себя компетентным в вопросе отсутствия тела и в вопросе о трупе, вскоре оказывается вне игры. Однако, чрезвычайно актуально то, что в рассмотрении тела лишь маленький шаг ведет от представления к поступку. Тот, кто презирает трансформированные в образы тела, тот жестоко обращается с телом и в действительности. Он недалек от убийства, не ведая, что творит. *First look, first kill*, так звучит девиз бессознательного механизма, который, вероятно, массово функционирует при массовых убийствах.

В цивилизации Европы имела место быть взаимосвязанная двойственность: прогрессирующая абстракция тела, называемая также одухотворением или даже спиритуализацией, и растущая тенденция из всего и каждого делать образ. С посылок Нового времени человек является прямо-таки паническим изготовителем образов. Но он не догадывается, что эта тенденция случайно перевернула людей и вещи мира в сублимной мортификации. Это давно нормально — бросать злой взгляд. Взгляд может убить.

Сила воображения (*die Einbildungskraft*) произвела Воображаемое, которое даже её саму отвергает и губит. Отсюда возникла колоссальная машинерия, закрытая организация огромных размеров, в которой культура великолепно функционирует как Эль-

¹ Kamper D. *Horizontwechsel: Die Sonne neu jeden Tag, nichts Neues unter der Sonne, aber...* München: Fink, 2001.

дорадо мертвого Бога. В последние десятилетия в сознании и в языке, и тут и там проявились далеко идущие бессознательные успехи этого колосса. Однако может ли быть образ от этого, остается спорным. Это не предмет рассмотрения, но это разыгрывается во взгляде.

В Воображаемом отсутствует Другой. Дело Духа есть касание самого себя, и это в таком чрезмерном смысле (*exorbitanten Sinne*), что, наконец, никакая инаковость (*Alterität*¹): никакая субстанция, никакая материя, никакой материал больше вообще не остается. Сам к себе приходящий в Воображаемом Дух есть способ мёртвого Бога, который через высвобождение мира и через новое искусственное небо идёт к господству. Это усложняет положение вещей. Тело, которое в качестве трупа делает карьеру, питает Воображаемое и влечет за собой образ человека, продвигающийся в фатальную вечность. Знаменитость объявлена, навсегда.

Живое тело, которое может жить и умирать, напротив, выходит из употребления. Оно принадлежит конкретному месту и времени, чувству близости оцупи (*Nahsinne des Tastens*) и внимающему чувствованию (*hörenden Spürens*). Труп действует вдаль. Очарование трупным образом потрясающее. Зрители, потерянные в видении (*Sehen*), полагают, что имеют пред собой *Alter-Ego*. Но апофеоз бестелесной Самости (*Selbst*) в образе больше не должен умирать, потому что уже мёртв.

По закону Бодрийяра, можно следующим образом комментировать оборот от жизненной энергии к власти смерти: через исключение смерти, через отказ от общения с мертвыми общественные институты, которые в таком случае практикуют апофеоз чистой жизни, становятся смертельными учреждениями, а именно независимо от того, функционируют ли они теперь посредством церкви, государства или общества.

Можно сказать, что анатомические театры, с намерением во что бы то ни стало сломать власть средневековой смерти, достигли обратного: распространение мертвого тела человека как модели тела вообще, а именно — до границ обитаемой земли. Хотя, принимая во внимание архитектуру амфитеатров, говорили о непрерывной отработке трупа (*Wearbeiten des Kadavers*). Всё же с его исчезновением из фокуса внимания во всем мире вновь и со стремительностью инсталлировался его образ. Отсутствие тела, присутствие образа: репрезентация, не присутствие. Это было уже решено спором о причастии.

Следовательно, нужно говорить об эпохальной форме антропологии, которой нельзя избежать сразу же. Здесь утверждается то, что транзитный концепт происходит из европейских анатомических театров, которые его перенимают вопреки или благодаря своей оппозиции христианской продукции образа распятого тела Христова. Не тело, живое тело, а мертвое тело пришло в обязательный образ человека современности.

Оно (мертвое тело. — М.С.) — образец, который исключает вплоть до восприятия все другие концепты и позволяет стать маргинальным. Это имеет значение еще и для эпохи медиа и технологий, где могут испытываться «дающие образ»

¹ Понятие *die Alterität*, переводимое как инаковость, происходит от латинского *alter* — один, один из двух, — это немецкоязычное историко-философское понятие, существующее в пределах постструктуралистских теорий психоанализа, деконструкции и постколониальных штудий. *Alterität*/инаковость и *Identität*/идентичность существуют как обуславливающие друг друга моменты дихотомии, где *alter* не является никаким любимым другим. Здесь речь идет не о *alius* или *xenos* — другом как сущностно чужом, который противопоставляется собственному (например, Другой Лакана), *alter* является одним из двух аналогичных, из таких же многих в силу их множественности — *здесь и далее примеч. пер.*

(«bildgebende») методы на живом человеке. Данные образы — это расчеты, которые задним числом делаются очевидными, с тем, чтобы бросающееся в глаза понимание дела (Sachverstand) могло постичь свой диагноз. Однако, это понимание (Verstand) ро-беет (ist befangen) в горизонте цивилизации с её вытеснением смерти и её влюбленностью в образ. Схема, которая ведет к образам человека, есть и остается трупом, омертвевшим телом, так как и с живым телом обращаются так, словно оно уже умерло.

Это имеет разрушительные последствия для общения людей друг с другом. Ибо жизнь тела должна всегда сначала продираться сквозь этот фундаментальный предрас-судок и по большей части не справляется с этим. Кроме того, развитие образов стреми-тельно продвигается, принципиально ничего не меняя. Поэтому уместна крайняя фор-мулировка: так как тело оформило образы человека как труп, то ко всем образам при-стал трупный запах, даже к цифровым. Образ есть наместник смерти. Модель, прекрас-нейшая, есть её глашатай. Подавно образ разлучённых любовников есть вечно тлею-щий труп.

Вероятно, лишь теперь действительно подтверждаются такие тезисы. Лишь циф-ровые образы в их точной нерепрезентативности воплощают факты повсеместно рас-пространенной всемогущей фантазии. Вместе с тем, наконец-то человек пришел к са-мому себе. Он чистая Самость (Selbst). Он образ божий и больше ничего. Утрата Дру-гого окончательна. То, что остается, есть — радикальная безответность мира. Человек один, весь-один, он стал одним и всем. Он сам есть эта много искомая *Henkaipan*¹.

Курсирующий образ тела оспаривает свой образный характер. Он утверждает, что в последней тоталитарной хватке всё из-за тела, а именно, каждое отдельное тело является от него зависимым и должно руководствоваться им. Это актуальный террор видимости. Видимость как программа исполняется на протяжении всего Нового време-ни и, кажется, достигает высшей точки в наши дни. Что не видимо, то не действитель-но. Лишь то, от чего имеется образ, имеет реальность. Которая, однако, мертва, как об-раз. Всё другое, всё живое: слышимое, имеющее запах и вкус теснится по краю и сверх этого вытесняется за край. Принимая во внимание такую силу (Gewalt), можно лишь рекламировать невидимость для живых тел. Живое тело сегодня — невидимое тело.

Власть (Gewalt), которая глобально манифестирует себя в настоящем, в послед-ние десятилетия всё теснее связана с кодексами видимости — чем больше экспозиция (Ausstellung), тем больше насилие (Gewalt). С другой стороны, информационное обще-ство от каждого своего члена требует увеличивающейся видимости. В принципе, все индивидуумы становятся обязаны стратегии инсценировки. Наметившееся здесь про-тиворечие достигает высшей точки в жертве жизни, в своих ощутимейших манифеста-циях. Тело и его ближайшие отношения уничтожаются постепенно. Превращаясь в об-раз, тело теряет свою естественную и историческую "эссенцию" и освобождает место для субтильных методов символического насилия: для утраты настоящего времени (Gegenwart) и чувственной способности присутствия (Gegenwartsfähigkeit). В таком случае господствует законченное будущее время (perfekte Futur), негативно: по-видимому, человек не жил.

¹ *Hen kai pan* (греч.), (нем. *All-Einheit*) — всеединство, единство вселенной. Античный концепт онто-логического холизма согласно которому, мир есть целостность, не состоящая из частей имеющих соб-ственную экзистенцию.

Во-вторых

Границы тела — это границы динамического пространства, пишет в конце своей жизни Морис Мерло-Понти. В конце концов, тело простирается до звезд. Его нельзя и невозможно более понимать как «бренное тело» (Madensack), замкнутое в свою кожу. Тот, кто видит тело как контейнер, как мусорный контейнер, тот также видит и человека. Это, однако, судьбоносно и невозвратно устарело. Понятие контейнера в качестве пространства и теоретически неупотребимо. Мы это знаем с открытий Эйнштейна¹. Даже физика дистанцировалась от него.

Мировое пространство ни в коем случае не самый большой контейнер, который содержит всё другое, оно есть «промежуток» (Zwischen-Raum), трехмерная величина протяженностей (Erstreckungen), которые рассчитываются через близкое и далёкое, но не через объём. Если же пространство всегда промежуток, тогда оно может распасться, оно должно стать открытым, с тем чтобы оно не распалось. Тело как промежуток неуклонно требует раскрытия (Entfaltung)². Это происходит не через расчет (Rechnen), а через говорение (Sprechen), через слушание (Hören), через чувствование (Spüren). Таким образом, можно допустить друг друга до звезд и не нужно надолго оставлять жизнь запертой в контейнер.

Еще общая медиатеория, так, как я её понял, работает (agieren³) с этим концептом, что зависит от имманенции, которая не может быть трансцендированна, и эта имманенция единственная. И, разумеется, являющаяся подпоркой означющего (signifikantengestützt). Однако это неверно. Неверно то, что Означающее, Единое, Единство принадлежит телу, а тело принадлежит Воображаемому. Лакановская критика фиксации единства и иллюзорных синдромов целостности состоит в том, что нужно вернуться в пред-единство (Vor-Einheit) или к многоскладчатости (Mannigfaltigkeit), не относящейся к Единиче и Целому, когда занимаются телом.

То, что даже для Лакана, который не боялся сложного, было очень сложным. В частности, это касается того обстоятельства, что ведь еще по эту сторону письма, по эту сторону языка, по эту сторону фантазии имеется нечто, «Реальное». Лакан пишет: тела как Боги, они принадлежат Реальному. Они не укоренены в Символическом и в Воображаемом. Они радикально недоступны для успешнейших медиа. Мы же, смертные, изначально бытуем в Воображаемом и должны посредством языка, посредством Символического создавать рифму на вездесущую тенденцию к закрытости.

Тот, кто безмолвно и безобразно следует этой тоталитарной тенденции, должен быть принуждён и теоретически. И тело прощается само с собой и оставляет после себя лишь пустые маски, личины, оболочки своих теорий. Если его подгоняют под образ тела или под слово тела, в таком случае ему причиняют именно то, что является поводом для его самоувольнения (Selbstverabschiedung). С абстракцией мира, средства (Medien) этой абстракции также становятся все абстрактней. В таком случае, вскоре

¹ Более подробно в Umzug ins Offene. Vier Versuche ueber den Raum. Hrsg. Fecht T. und Kamper D. Wien u. New York, 2000.

² Другой возможный перевод *die Entfaltung* — развитие, развёртывание, расправление.

³ *Agieren* (нем.) — *Acting out* (англ.) «Психоаналитический термин, обозначающий действия, преимущественно импульсивные, выпадающие из обычных мотивационных систем субъекта, сравнительно легко выделяемые в его деятельности, часто принимающие форму агрессии. Отыгрывание — признак того, что вытесненное начинает всплывать на поверхность» (Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. Пер. Н.С. Автономовой. М.: Высшая школа, 1996. С. 111–112).

они более не знают, что творят. Тело, в противоположность тому, имеет еще лишь крохотный шанс. Оно разыгрывает театр с невыносимым (*Unerträglich*). Прежде это называлось идиосинক্রазией. Однако то, чем являются идиосинক্রазии¹, становится всё более зловещим. Театр тела без режиссёра по письму, языку, образу. Идиосинক্রазии случаются *перед* артикуляцией, подавно *перед* аргументацией. Они и не являются никаким познанием. Они есть что-то вроде маскирующих воспоминаний (*Deckerinnerung*²), которые принадлежат машинам и их миру. Там, где не выполняется то, что они обещают, там тело заменяет замещающую, как это точно было описано Хельмутом Плеснером в рассмотрении смеха и плача. Тело играет на уровне маскирующих воспоминаний, замещающая театр. А именно, со стратегиями своей регистрации (*Erfassung*), пускай теперь они имеют образный, языковой, письменный или теоретический характер.

Возможно, что после того как мы однажды были критиками идеологии и после того как затем стали аналитиками дискурса, теперь имеем дело с идиосинক্রазиями. Со «своеобразной смесью», в которой находятся тела, относясь к замаскированному Другому, точно на границе Воображаемого, там, где Воображаемое разбивается и распадается все единства. Это могло бы стать совершенно новой темой, так, чтобы то, что мы пробуем, например, с «*encore*»³ и с «*en corps*»⁴, проникло в новую ничейную землю, что ни в исторической антропологии, ни в науках о культуре, по-видимому, не было достаточно отмечено.

Итак, сначала отброс, следовательно, остаток. Рассмотрим тело в качестве остатка или как то, что не делится без остатка, или в качестве отброса. По мне, так же как нуль в процессах постижения посредством письменности, языка и посредством образа⁵. Но в этих измерениях, на этих этапах абстракции, собственно, невозможно это сказать, несмотря на то, что нужно создавать себе образ и находить языковое выражение. Как остаётся непредставимое (*Nichtrepräsentierbare*) предъявленным (*präsent*)? Как удерживается отсутствие в слове, если говорят о теле? Все же, не связана ли проблема с комфортом философии: вместо непонятного стремиться удержать в руках его понятие?

По этой причине нужно было бы, как мне кажется, разработать главенствующие принципы дискурса, которые позволят напомнить о несказываемом (*Unsagbare*) при дальнейшем изготовлении слов; главенствующие принципы дискурса, которые напомнят о том, что тут есть нечто, что нельзя достичь аналитически, так как, напротив, познание существенного удерживается из самого себя. С другой стороны, затруднительно постоянно терпеливо выжидать на фронте непроизносимого (*Unaussprechlich*). Так как имеется молчание, которое никто не может нарушить, почетное молчание — как его назвал Ницше. Кто из нас, изготовителей слов, изготовителей образов, знал бы в этом толк? Во всяком случае, на фронте неизобразимого (*Undarstellbaren*), на этих полях

¹ Идиосинক্রазии посвящен целый том редактируемого Дитмаром Кампером Международного журнала по исторической антропологии «*Paragrana*», Band 8, Heft 2, 1999.

² Психоаналитический термин: *die Deckerinnerung* — Маскирующее воспоминание — «детское воспоминание, характеризующееся одновременно и особой ясностью, и очевидной незначительностью содержания. Подобно симптому, маскирующее воспоминание — это компромиссное образование между вытеснением и защитой» (Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. С.113).

³ *Encore* (фр.) — ещё, вдобавок. Очевидна отсылка к одноименному XX семинару Лакана (1972–1973).

⁴ *En corps* (фр.) — в полном составе, всем корпусом.

⁵ Кампер конструирует новые слова — *Verschriftlichung*, *Versprachlichung*, *Verbildlichung*, которые можно ещё перевести как растворение в письме, языке, образе; перемещение в пространство письма, языка, образа.

Символического, Воображаемого обязательно остаётся НЕ-символизируемое, НЕ-воображаемое, потому что оно постоянно попадает между ними и также внезапно с ними возникает. Это невозможно принять в качестве предпосылки. Это не априори. Это апостериорное априори.

Вероятно, следовало бы выяснить вопрос даты. Когда тело вступает в игру? Поскольку оно вступает не в начале, в процессе «припоминания, повторения, проработывания» («Erinnern, Wiederholen und Durcharbeiten») ¹, оно должно развить свою специфическую реальность позже. Оно вступает в игру лишь при проработке (Durcharbeiten), при контрпереносе (Gegenübertragung). Оно имеет не метафорическую, а хиазматическую ² реальность. И мое предположение: оно вступает в игру при обратном чувстве (Rück-Spüren ³) художников, учёных. Как это происходит? Мне представляется, что идиосинкразическим образом. Имеются определенные пристрастия. Чувствуют нечто угрожающее — отражают это, без лишних вопросов. В обороне (Abwehr ⁴) консолидируется обороняющееся. Имеются жесты, которыми пытаются регулировать неурегулированное. Но настаивают, что в таком случае нужно об этом говорить и затем слушать. И также нужно это представлять.

Можно ли сказать, что же появляется из асимметричного исходных пунктов на пути к симметрии? От глаза к уху? Тогда, пожалуй, для таких переходов нужно принимать ограничения. Естественно, не все отношения происходят по подобному образцу. Всё же, мы переносим, и мы также будем переносить. Я больше не верю в помощь метафор. Метафоры — это средство переноса ⁵, переносимого смысла, но во внутрь абстрактного мира, следовательно, в языковые формы, которые имеют разновидность самодостаточности.

Я всегда так понимал Мерло-Понти, когда он говорил: лишь с хиазма-предложениями возвращается тело, здесь оно даёт о себе знать вновь или впервые со словами, образами и знаками изгнанной телесности. Следовательно, это были бы такие предложения как «чем больше видимого, тем больше невидимого». Или «чем больше знаний, тем больше незнания», или «чем больший порядок, тем больший беспорядок». Это тезисы, которые мы всё ещё не можем выносить в науках о человеке. В них через сказанное нечто ударяет, а именно, в моём собственном предложении, всякий раз, когда я его говорю.

Тело как остаток до сих пор вело себя спокойно. Теперь оно вернулось в одеяние бессмысленного, нонсенса, а по мне так «высшего». Во взаимности переносов в отношениях изобретается другой язык в качестве метафорического, некоего а-метафорического

¹ Очевидна отсылка к работе Зигмунда Фрейда 1914 года «Erinnern, Wiederholen und Durcharbeiten» («Припоминание, повторение, проработывание»).

² Хиазма, от греческого *chiasmōs* — имеющее форму буквы X, сплетение, переплетение, перекрещивание.

³ Можно перевести как «спиной чутать»: *der Rücken* - спина, *spüren* – чувствовать. Речь идёт о тонкой интуиции художников и учёных.

⁴ Психоаналитический термин: *die Abwehr* — защита — «совокупность действий, нацеленных на уменьшение или устранение любого изменения, угрожающего цельности и устойчивости биопсихического индивида (Я)» (Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. С. 145).

⁵ *Vehikel der Übertragung* — насыщенная фраза, которую можно понять как в прямом, так и в переносном смысле: *Vehikel* — средство, средство передвижения (телега, драндулет) или медицинское средство; *Übertragung* — перевод, передача, трансляция или психоаналитический термин: трансфер, перенос — «процесс, посредством которого бессознательные желания переходят на те или иные объекты в рамках определенного типа отношений» (Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. С. 531–539).

или — как сказано — хиазматического. Это странные предложения, которые вкладываются одно в другое из чистой недоступности и которые, возможно, представляют часть из ленты Мёбиуса, которую можно пересечь лишь сломав шею.

Но при всех ограничениях тезис должен быть возможен как следующий, который также принадлежит Лакану: «Я прошу тебя отвергнуть то, что я тебе предлагаю, ибо это таковым не является»¹. Это объяснение в любви. Оно не только асимметрично. Оно эксцентрично парадоксально; не конфронтация, но открытие промежутка (*Zwischenraum*), простора (*Spielraum*). Простор раскрывает себя, он предоставляет возможность Другому также действительно отвергнуть то, что я имею в инструментальных намерениях. Это тезис, который высказывает автор, не читатель; который говорящий должен сказать в обращении (*Rückhören*) на своё говорение (*Sprechen*).

В-третьих

Положение обострилось. Только теперь соответствует действительности таинственный тезис Ролана Барта: «Образ — это смерть в личности». В качестве такой, она (смерть — М.С.) есть образ мёртвого Бога и больше ничего. Она больше не является никакой аналогией, но в возможности цифровых образов есть индифферентный двойник *homo significans erectus*, прямоходящие означающие. Каждый человек есть монада столь же большая, как универсум технических образов. Это теневая сторона тела, полностью ставшего образом. Человек есть лишь ещё Нарцисс без Эхо. Один, тот, который отражается без ушей, окружен безответным универсумом. Всё же, как представляется, остаётся привлекательным быть как Бог, даже если Бог мертв. Впредь становление Богом означает стать таким же, как мёртвый Бог. В таком случае, имеют власть под углом зрения танатократии, по ту сторону жизни и смерти. Но расчёт произведен без учёта всех обстоятельств. С нашептывания змея времена изменились.

Теперь Боги и тела больше не принадлежат одному и тому же регистру. Теперь господствует Воображаемое — человек как божественный труп, Бог как человеческий труп. Здесь не остается ничего другого, как из остатков, которые есть тело, развивать новую критику, которая в верности к Анти-Эдипу перетекает к Анти-Нарциссу. Впредь, одним махом всё не удаётся. При этом неудача развивает логику «Рага», которая постепенно сменяет «Мета»-физику. Её ещё рассматривают подобно позору для цеха, однако возможность крушения есть *conditio sine qua non* будущего. Так мутирует «encore» к «en corps».

Один кто-нибудь, как бы умен он ни был, по настоящему не имеет больше шансов. Школы также своё отслужили. Теперь каждый в разговоре с другим должен отыскивать соответствующий ему голос. Этим он может сказать то, что только он должен сказать. В итоге это дает в сети из узлов и пустых мест способное к нюансу содружеству слушателей. На пути от глаза к уху происходит забвение, которое может быть напомнимо. А именно, всегда тогда, когда другой слышит, когда другой говорит. Разумеется, такой вызов можно сбить. Преимущественно запинаясь. Однако время от времени в условиях максимально возможного безмолвия оказываются сверкающие констелляции, в пользу которых затем оригинальным образом могут и должны быть даны показания.

¹ Lacan J. Encore / Das Seminar von J. Lacan, Buch XX. Hrsg. von Norbert Haas und Hans-Joachim Metzger. Weinheim und Berlin, 1986. S. 121.

Прошлое подвержено изменению; тот, кто здесь утверждает, допустим, что оно окончательно, тот осуждает каждого живого человека на смерть. Пересадка на «всегда и везде» означает потерю памяти. Вместо радикального конструктивизма, вместо бесконечной деконструкции всё свелось бы к тому, чтобы призывать к жизни. Воспоминание привязано к месту. Это действительно для памяти тела — ран и шрамов, памяти образов, памяти письма, это действительно даже для ментальной памяти. Это функционирует троекратно: припоминание (Erinnern) против идеологий, повторение (Wiederholen) против дискурсов, проработка (Durcharbeiten) против идиосинкразий. Нет никаких фактов. Каждый факт уже есть интерпретация. Но чего? И кем? Ибо так же мало имеется изобретений из чистого произвола. Фантазия не принадлежит человеку, он принадлежит ей. Она — орган вида, который грезит о себе. А именно, старейший орган. Её разминка с собой (Selbstverfehlung) в визуальном есть Воображаемое в качестве тюрьмы. Её возможность слышать Другого и ответный зов исключенного были бы уже в течении 2500 лет свободно существующим мышлением (Denken im Freien), на которое ссылались уже «досократики».

Сегодня участь мира принадлежит картинам (Bilder) мира, установлено, что они уничтожают телесность через абстракцию. Мышление должно саботировать эту участь, а именно: ради тела, т.е. для тела, поскольку оно не есть образ, и для образов, поскольку они существуют физически. Это проходит только с неполноценным (versehrt) масштабом: нужно учиться уметь проигрывать. Искусство мышления, которое думает против самого себя, всегда есть искусство невозможного. Оно требует инициации себя в своё собственное лучшее знание. При этом происходит первоначальный внезапный скачок, переворот от вещи к горизонту.

Не всегда знают то, что знают. Человеческий произвол господства знака, разоривший весь мир, можно было бы изобличить (überführen) в изобретении (Er-Findung) следов (Spuren). Герменевтика в герметике. Касающийся самого себя Дух более ничего не чувствует (spürt). Он также уже не способен мечтать. Чувствование (Spüren) больше чем восприятие (Wahrnehmen). Чувствование — это восприятие как страсть, страстно не быть мёртвым, совместное мечтание.

Otzberg, Oktober 2000.

Перевод с немецкого М.А. Степанова